

Царёва Ольга Александровна

ТЕМА ДЕТСТВА В ЛИРИКЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

В статье дается анализ образного воплощения темы детства в творчестве поэта XX века Арсения Тарковского. Рассматривается и анализируется путь становления личности в мире, воссоздаваемом поэтом. В центре исследования находится идейно-тематический комплекс, связанный с темой детства. Мир детских переживаний, воспоминаний и впечатлений рассмотрен в своей специфике на всех этапах творчества поэта. Также важным аспектом является изучение процесса трансформации жизненного материала в художественное произведение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 198-202. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

CONDITIONS OF IMPLEMENTING PERFORMATIVITY BY ENGLISH STATEMENTS WITH THE CONSTRUCTIONS LIKE “IF I MAY CORRECT”

Fofanova Polina Yur'evna
Ural Federal University
p-na13@mail.ru

The article examines the issues of implementing performativity by the composite combinations “If I may + an assertive verb”. The capability of such combinations to performativity is based on their perception as indirect speech acts; this in itself implies that performatives of such type have a highly conventional character. Nevertheless the author comes to the conclusion that the capability of implementing the performativity by the statements with these combinations have concrete semantic-syntactic limitations.

Key words and phrases: the theory of speech acts; performativity; composite performatives; speech acts.

УДК 8; 82-1

Филологические науки

В статье дается анализ образного воплощения темы детства в творчестве поэта XX века Арсения Тарковского. Рассматривается и анализируется путь становления личности в мире, воссоздаваемом поэтом. В центре исследования находится идейно-тематический комплекс, связанный с темой детства. Мир детских переживаний, воспоминаний и впечатлений рассмотрен в своей специфике на всех этапах творчества поэта. Также важным аспектом является изучение процесса трансформации жизненного материала в художественное произведение.

Ключевые слова и фразы: тема детства; образ ребенка; тема утраченного рая; трансформация жизненного материала; субъект сознания.

Царёва Ольга Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
eliana.amalia@mail.ru

ТЕМА ДЕТСТВА В ЛИРИКЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО[©]

Идея становления личности человека лежит в основе многих исследований в области философии, социологии, антропологии, педагогики и некоторых других гуманитарных наук. Эта идея является и предметом творческого осмысления в различных видах искусства. Логично предположить, что она включает в себя проекцию детского периода развития. Философия и литература имеют давние традиции постижения детства. Отношение к этому периоду в жизни человека всегда было неоднозначным, предполагало диаметрально противоположные оценки и интерпретации. Кроме того, каждый поэт и писатель, размышляя над этой темой, наполнял этот смысловой комплекс собственными мыслями и индивидуальными, личными ассоциациями.

Детство в поэзии А. Тарковского – это мир, который является одним из ключевых объектов изображения. На разных этапах творчества обращение к детской теме происходило в различном ключе.

Целью данного исследования является всестороннее и подробное рассмотрение темы детства в поэзии Тарковского. Для достижения этой цели необходимо выявить специфические особенности воплощения темы, подчеркнуть ключевые детали и образы, благодаря которым воссоздается художественная реальность детских лет лирического субъекта, обозначить философскую позицию поэта в отношении детства как одного из важнейших этапов становления личности.

Тема детства входит в поэтический мир Тарковского как отдельная область сознания лирического субъекта, основа его поэтического мировосприятия и источник формирования его, как творца.

Мысли о значимости первых лет жизни для развития личности, осознания своего места в мире и формирования мировосприятия отражены не только в поэтическом творчестве Тарковского. Он часто возвращался к осмыслению феномена детства в эссеистических заметках, письмах и т.п. Например, в эссе «Пунктир»: «Детей надо очень баловать. Я думаю, это главное. У детей должно быть золотое детство. У меня оно было... Может быть, поэтому я так хорошо помню свое детство – ведь главное в мире – это память добра» [4, с. 235].

Знаковым для понимания позиции Тарковского является его письмо А. Ахматовой, в котором поэт делится своими размышлениями о «Маленьких трагедиях» Пушкина. Особенно подробно он останавливается на образах Дон Жуана и Моцарта, которые представляются ему близкими. У обоих сознание ребенка, что и делает их поэтами: «Мне хочется подчеркнуть обособленную исключительность мышления лирического (быть может, всякого) поэта, его божественную сущность, моцартианскую <...> – детскую в основе способность нахождения самого нужного, единственного – во множестве, мудрость “превыше мудрости”, свойственную

ребенку, а не мудрецу, потому что художник – сгусток воли, силы, инстинкта, действующий на линии преэмптиности...» [5, с. 393].

Внутренний мир ребенка выходит на первый план. И кроме вышеупомянутой способности острее и объективнее воспринимать действительность, чем взрослый, поэт подчеркивает чуждость ребенку идеи доброты: «...он поэт. Ребенок только в мечтах матери добр: на деле в нем живет жестокость пещеры, которую истребляет воспитание...» [Там же, с. 394].

Поэт обращается с событиями своей жизни, своими мыслями и чувствами так, как этого требует его художественный замысел. Жизненный материал трансформируется. В лирику Тарковского конкретные события и жизненные факты практически не допускаются автором. Несомненно, можно встретить те или иные детали и намеки на жизненные впечатления и события, но их включение в текст обычно бывает единичным и имеет эпизодический характер. Он вводит в тексты своих произведений биографические подробности, уместные и необходимые для развития темы. Стихи, которые в том или ином виде затрагивают детскую тему, неравномерно распределены по текстам творчества А. Тарковского. К этой теме поэт возвращается трижды: в первые годы жизни его сына (1930-е гг.), эпизодически во время войны, 1950-1970-е гг. (время напряженного философского осмысления своего прошлого, в совершенно новом ключе автором переосмысливается не только детство, но и война, любовь, категория времени и другие ключевые моменты).

Стихотворения 1930-х гг. максимально обобщены и представляют собой короткие философские заметки на тему рождения новой жизни, первых шагов в познании мира, специфику материнского и отцовского чувства. В этих текстах совмещается мифологизация художественной действительности и напряженное философствование, представленное внутренним монологом субъекта.

Из этого блока стихотворений во многих смыслах особенно интересно стихотворение «Река Сугакля уходит в камыш...». В нем автор в специфическом ключе совмещает два временных плана (прошлое и настоящее) и два субъекта. Стихотворение написано в 1932 г. и напрямую связано с важным событием в жизни поэта – рождением сына. На ближайшие несколько лет объектами поэтического осмысления станут детское мироощущение и его соотнесение с творческим взглядом, тема постижения и открытия мира ребенком, собственные детские воспоминания, влияние прошлого на настоящее. Стихотворение интересно построено с пространственно-временной точки зрения. Временные рамки размыты, действие происходит во времени, которое совмещает в себе прошлое и настоящее. Они накладываются друг на друга. А пространство, напротив, четко описано и очерчено, перед нами идиллический пейзаж, передающий атмосферу счастья и умиротворения, в которую автор погружает читателя: песчаный берег реки, в которую ребенок пускает кораблики, ветер, шелестящий в песке. Далее описание переходит к обобщению. Вывод «И все навсегда остается таким» [3, с. 31], с одной стороны, производит впечатление законченного умозаключения, родившегося в результате наблюдения субъектом описанной выше картины, с другой стороны, оставляет массу вопросов. Этот вывод представляется неожиданным, так как ситуация не дает никаких оснований для него, особенный диссонанс вызывает нахождение и описания, и обобщения в одном временном плане: и о том, и о другом говорится в настоящем времени. Последние два стиха меняют тональность стихотворения, ощущение счастья, которое передается от субъекта к читателю, сменяется растерянностью. Это передано с помощью острого (*остран(н)ение – термин, введенный В. Шкловским – прим. автора – О. Ц.*) диалога субъекта с самим собой, смысл которого заключается в констатации утраты всего того, что создавало атмосферу радости в первой половине текста: *А где стрекоза? Улетела. А где / Кораблик? Уплыл. Где река? Утекла* [Там же].

Последний внутренний обмен репликами является апофеозом острания. Нетипичный, противоречивый и емкий образ «утекшей реки» заключает в себе сочетание двух типичных для творчества в целом идей-образов противостояния и постоянной, непрекращающейся борьбы двух начал: бессмертия и конечности всего в мире.

Чтобы разъяснить неопределенность и противоречивость, на первый взгляд, авторского замысла вернемся к началу стихотворения. Место действия географически четко обозначено. Река Сугакля – это река в окрестностях Елизаветграда, где прошло детство поэта. Этот факт, который не сразу открывается читателю, делает пространство более неоднозначным, оно расширяется, включая две реальности: место, в котором происходят события настоящего времени, за которыми наблюдает лирический субъект, имплицитно присутствующий в тексте, и место, где проходило его собственное детство. И сам субъект, и ребенок, который изображен в тексте, помещены в прошлое, несмотря на то, что повествование ведется в настоящем времени. Такое совмещение позволяет задействовать два временных пласта одновременно. Кроме того, отбор предметов и явлений, формирующих изображенную действительность, тоже представляется неслучайным. Это не просто объекты окружающей реальности, эти образы глубоко символичны. Они обладают несколькими смыслами, которые отражают выделенную мировоззренческую оппозицию «бренность – бессмертие». Например, яблоки в различных мифологиях связывались с вечной молодостью и бессмертием. Но вместе с тем, общеизвестно, что это символ потерянного рая, утраченного счастья. Песок (эта лексема повторяется дважды) – символ быстротечности, течения времени, а также непрочности бытия. Да и центральный образ реки олицетворяет необратимое течение времени, имеющее своим следствием забвение. В более конкретном проявлении эта идея воспринимается как образ человеческой жизни, прихотливо текущей от истока к устью, от рождения к смерти. Кроме того, во всем богатстве смыслов и ассоциаций, связанных с образом реки, стоит выделить выражение, восходящее к изречению древнегреческого философа Гераклита, «нельзя дважды войти в одну реку» (возможны различные вариации). По сути, главный смысл произведения и состоит в ответе на этот вопрос. Можно ли войти в мир собственного детства заново, через мир детства собственного сына? Не переживают

ли все люди в свой детский период одно и то же, что делает детство неким абсолютом, а ощущения и воспоминания отдельных людей лишь конкретными проявлениями этого абсолюта? Для Тарковского детство каждого уникально, а соответственно неповторимо. Вернуться в него можно только в воспоминаниях, но и этот путь для личности труден. В образе «утекшей реки» эта мысль представлена наиболее выразительно.

Стихотворению «Река Сугаклея уходит в камыш...» хронологически предшествует «Мне было десять лет, когда песок...», датированное 1932 годом. Если в первом упомянутом тексте субъект был полностью удален из текста, его внутренний монолог, представленный в форме отстраненного наблюдения, был репрезентирован читателю без посредника, чье присутствие в тексте обычно обозначено личным местоимением, то во втором стихотворении повествование ведется от первого лица и произведение имеет автобиографический характер. С первого стиха автор четко обозначает время и место действия – Елизаветград, 1917 год. Со стихотворением «Река Сугаклея уходит в камыш...» этот текст связывают два ключевых образа: образ реки и образ песка, которые сохраняют свое многослойное смысловое значение. Здесь впервые появляется образ, связывающий тему детства с темой творчества и соотносящий ребенка с поэтом. Мысль о том, что истоки творческого процесса и формирования поэтического дара неразрывно связаны с ранним периодом в жизни человека, временем непосредственного, ничем не замутненного постижения мира: *...если детство до сих пор нетленно, / То на мосту еще дудит истрец / В дуду, как солнце на краю вселенной* [4, с. 35]... И, чтобы обрести в себе поэта, субъект должен «горло вытянуть и ей ответить» [Там же], то есть превратить свой дух (горло – как конкретное воплощение поэтической способности) в творческий инструмент, чьими звуками было озаменовано детство.

Образ реки, столь типичный для творчества Тарковского в целом, и особенно часто повторяющийся в текстах, относящихся к рассматриваемому в данной статье комплексу текстов, не случаен. Он связывает между собой два ключевых элемента лирической системы Тарковского: детство и творчество. Связь реки и речи является распространенным мотивом в мировой культуре. Наиболее явно эта мысль представлена в стихотворении «На берегу»: *И вправду чуден был язык воды, / На свет звезды, на беглый блеск слюды, / На предсказание беды похожий. / И что-то было в ней от детских лет, / От непривычки мерить жизнь годами, / И от того, чему названья нет, / Что по ночам приходит перед снами, / От грозного, как в ранние года, / Растительного самоощущенья* [3, с. 185].

Во всех текстах этого творческого периода мотивы, выделенные в двух рассмотренных выше стихотворениях, являются основными, но варьируются. Обычно поэт связывает то или иное значимое событие с текстом только с помощью посвящения и указания точной даты и места написания стихотворения. Например, стихотворение «Колыбель» имеет посвящение «Андрею Т.». Оно написано в 1933 году. Дата указана точно, что несвойственно лирике Тарковского в целом, в большинстве случаев дата написания указана приблизительно. Это произведение представляет собой образец ролевой лирики – это диалог женщины и мужчины над колыбелью младенца. Разговор не включен в реальность, он максимально символичен, отстранен и условен. Автор полностью скрыт в тексте, смысловой центр смещен с образа ребенка на разговор, а точнее череду монологов, обращенных даже не друг к другу. В процессе противостояния двух точек зрения рождается мысль об отчуждении, о том, как перестраивается мир вокруг женщины, ставшей матерью. Целый блок стихотворений 1933 г. объединен темой рождения, детства, авторское «я» предстает в них в роли стороннего наблюдателя, который не участвует в событиях, лишь созерцает и анализирует. Так представлен лирический субъект в следующих стихотворениях: «Река Сугаклея уходит в камыш...», «Под сердцем травы тяжелеют росинки...», «Прохожий», «Посвящение». С точки зрения субъектной организации все эти тексты построены по-разному. «Прохожий» и «Колыбель» можно отнести к образцам ролевой лирики, в стихотворении «Река Сугаклея...» авторское «я» устранено из текста, а в «Под сердцем травы...» четко обозначена функция наблюдателя: *А я на него из окошка смотрю* [4, с. 34]...

Подводя итоги анализа идейного комплекса, связанного с темой детства, в текстах 1930-х гг. можно выделить основные мысли автора. Детство – это особая часть сознания, основа мировосприятия каждой личности, она уникальна, неповторима и кажется утраченной, и только разум и проницательность поэта способны найти путь к этому миру, который таится в его сознании. И обрести этот мир вновь, найти путь к нему – это значит преодолеть косноязычие и стать поэтом, обрести творческий дар.

Второй этап творчества, хронологически удаленный от первого, является логическим продолжением первого. Этот период фактически включает в себя все позднее творчество поэта, исключая последнее десятилетие. Но стоит отметить, что к 1980-м гг. готовится сравнительно небольшое количество текстов. Наиболее часто к образам, связанным с идейной парой «детство – творчество», А. Тарковский обращается в 1950-1960-е гг. Это время наиболее напряженного осмысления исследуемой темы. Целью поэта, очевидно, становится создание мира детства во всех деталях и подробностях. Лирический субъект – либо человек, одержимый воспоминаниями, то есть он находится над ситуацией, которую описывает, рассказывает и анализирует события далекого прошлого, преобразуя ту далекую реальность в художественную действительность, отбирая только тот жизненный материал, который необходим для его замысла; либо лирическое «я» в маске ребенка, то есть воспринимающее воссозданный мир изнутри. Это отражается во временном оформлении произведений. В первом случае поэт использует прошедшее время, во втором – настоящее. Больше всего в стихотворениях привнесено из раннего детства автора и периода перехода от детства к ранней юности, который сопряжен как с внутренним процессом взросления, так и с потрясениями в реальной жизни, связанными с историческими катаклизмами 1917-1920-х гг. За эти несколько лет поэт потерял отца, брата и в возрасте 14 лет вынужден был покинуть дом родителей и родной город. Эти трагические события нашли отражение в текстах 1960-1970-х гг.

Наиболее подробно и конкретно воспроизводится мир раннего детства, о котором сам автор в биографических эссе отзываясь, как о «золотом детстве». Очень последовательно и досконально в текстах воспроизводятся мельчайшие детали, конструируется идиллический мир счастья и защищенности. К этой группе стихотворений относятся «Белый день», «Зима в детстве» (цикл из двух стихотворений), «Я в детстве заболел...», «Тогда еще не воевали с Германией...», «Еще в ушах стоит и гром, и звон...», «Как сорок лет тому назад...» и многие другие. Они полны бытовых и культурных деталей и намеков. Автору важно создать не просто обобщенный образ идеальной семьи, счастливого детства, ему важно конкретизировать этот образ, воспроизвести быт, привычки, дорогие сердцу мелочи, отношения конкретной семьи. Одно из стихотворений из цикла «Зима в детстве» максимально сближает художественную реальность с действительностью: *А в доме у Тарковских / Полным-полно приезжих* [3, с. 288]... Стихотворение в полной мере передает живой, естественный и эмоциональный монолог счастливого ребенка, который радуется празднику, гостям, новогодним подаркам.

Характерно в этом отношении стихотворение «Еще в ушах стоит и гром, и звон...». Естественность и эмоциональность повествованию в этом тексте придает используемый автором верлибр. Стоит отметить, что в творчестве А. Тарковского тесты, написанные верлибром, встречаются часто. В разных текстах он выполняет разные функции. Например, в упомянутом выше стихотворении «Река Сугакля уходит в камыш...» он придает лирическому высказыванию меланхоличную и медитативную интонацию. Язык стихотворения содержит разговорные элементы, что позволяет создать эффект реальности происходящего в настоящем времени. Оно посвящено точному воссозданию в деталях обычного счастливого дня из детства. Трагичность стихотворению придает финал, в котором упоминается о гибели брата поэта Валерия. С действительностью это стихотворение соединяет стих, в котором упоминается брат автора: *Я и Валя / Сидим верхом на пушках у ворот* [Там же, с. 339].

Мыслью о беззаботности ребенка, не знающего, что ждет его в будущем, подводится итог и этому произведению, и счастливому детству.

В текстах этой группы рассыпаны многочисленные предметы, воспроизведены события из детства, врезающиеся в память. Показательно в этом отношении стихотворение «Вещи». Оно открывается обобщающим утверждением: *Все меньше тех вещей, среди которых / Я в детстве жил, на свете остается* [Там же, с. 165]. Основную часть стихотворения составляет перечисление этих утраченных вещей, включенное в цепь риторических вопросов. Сами «вещи» в совокупности создают в равной степени и быт тех лет, и интеллектуальную и духовную атмосферу. Грамматический строй стихотворения, поддержанный его симметрической композицией, позволяет создать объективный целостный образ эпохи, в которой прошло детство лирического «я», и передать напряженное и эмоциональное отношение субъекта к своим воспоминаниям.

Очень важны детали для создания образа отца в стихотворении «Тогда еще с Германией не воевали...»: *Зато у отца, как в Сибири у ссыльного, / Был плед Гарибальди и Герцен под локтем* [Там же, с. 290]. Они открывают для субъекта не эмоционально-чувственные переживания, а идейные аспекты.

Особняком в этой группе стоит стихотворение «Затмение солнца. 1914». Оно любопытно еще и с той точки зрения, что существует также биографическое эссе «Солнечное затмение», в котором в прозаической форме рассказывается об том же событии. В поэтическом и прозаическом текстах рассказывается о солнечном затмении 1914 года, которое совпало с началом Первой мировой войны, и о встрече с дезертиром. Два этих текста близки даже в лексическом отношении.

Например, в эссе «...посмотрел на солнце, ущерб был отчетливо виден» [4, с. 153], а в стихотворении «...шел на ущерб по ржавому дну небосклона алмазный сверкающий серп» [3, с. 153]. В эссе «яркая полоска ослепительного света» [4, с. 153], а в стихотворении – «но сразу по первой примете узнать ослепительный свет» [3, с. 154].

Но эссе представляет собой ироничный рассказ, события показаны глазами ребенка, который воспринимает встречу с дезертиром как интересное приключение. В стихотворении описываются те же события, но в нем заложен глубокий философский смысл, даже несколько глубоких мыслей, это выводит описанное на совершенно новый уровень восприятия. В восприятии ситуации лирическим субъектом совмещаются впечатления ребенка, которому подарили его первый оружейный патрон, и страшный опыт человека, прошедшего войну. Сознание ребенка трансформируется в сознание взрослого. Несмотря на указание в заглавии даты описываемых событий (1914 год, автору 7 лет), вместо ребенка это событие в тексте осмысливается зрелым человеком: *Запомнил я взгляд без движенья, / Совсем из державы иной, / И понял печать отчужденья / В глазах, обожженных войной* [Там же, с. 153]...

Общая идея, объединяющая большинство стихотворений, насыщенных деталями из воспоминаний детства, как нельзя лучше выражена в самом обобщенном стихотворении на эту тему «Белый день»: *Вернуться туда невозможно / И рассказать нельзя, / Как был переполнен блаженством / Этот райский сад* [Там же, с. 302].

Становится понятно, что стремление автора воссоздать в подробностях исчезнувший мир своего детства связано с желанием дать этому исчезнувшему из реального мира бытию существование в поэтическом мире.

Темой нескольких стихотворений о ранней юности является сущность творческого процесса и его зависимость от внешнего мира и жизненных обстоятельств. Например, стихотворение «Из детской тетради» построено на противопоставлении внешних обстоятельств жизни и творчества. Оно посвящено воспоминаниям о том, как, несмотря на невыносимость жизни, голод, бедность, одиночество, творчество молодого поэта было возвышено, посвящено великим темам, насыщено античными образами и никак не отражало земных переживаний: *Бедный мальчик в священном дурмане, / Верен той же аттической теме, / Я блуждал без копейки в кармане* [Там же, с. 162].

Тема смешения в жизни поэта высокой поэзии и низкой прозы жизни продолжена в стихотворении «Кухарка жирная у скаред...»: *У, как я голодал мальчишкой! / Тетрадь стихов таскал под мышкой* [Там же, с. 163]...

Детали трудного быта необходимы Тарковскому, чтобы подчеркнуть это противоречие. Обстановка, в которой жил и творил поэт, воссоздана очень подробно: холодные вокзалы, голод («баранку на два дня делил», «черный хлеб двадцать первого года» [4, с. 162]), «облавы милиционеров». Но окружающая поэта в юности действительность не вызывает у него в зрелости ни ненависти, ни неприятия. Напротив, воспоминания окрашены в ностальгические тона: *И молодости клясть не буду / За росчерк звезд над головой, / За глупое пристрастие к чуду / И за карман дырявый свой* [3, с. 164].

Кроме того, эта тяжелая жизненная обстановка, построенная на парадоксальных противоречиях внешнего и внутреннего миров, представлена как идеальные условия, в которых пестовался творческий дар. Это остро сформулировано в стихотворении «Жили-были», которое описывает трагические события, разрушившие благополучную и счастливую жизнь семьи (гибель брата, слепота и смерть отца): *Первое стихотворенье / Сочинял я, как в бреду: / «Из картошки в воскресенье / Мама испекла печенье!» / Так познал я вдохновенье / В девятнадцатом году* [Там же, с. 341].

Стоит еще раз отметить, что, несмотря на распространенность автобиографических деталей, в текстах Тарковского мы имеем дело с художественной реальностью, в которой максимально трансформирована и ограничена реальность биографическая. Эти детали следует считать ситуативными, они не могут быть элементами лирической системы в целом, а «проявляют конкретную психологическую и бытовую ситуацию; они являются элементами определенного стихотворения, в которое включена ситуация, но этим частным назначением их функции исчерпываются» [2, с. 321].

Особенно нужно выделить несколько стихотворений, которые отличаются афористичностью и емкостью лирического высказывания. В них нет отсылок к конкретным событиям, не воспроизводится иллюстрирующая ту или иную идею ситуация. Эти тексты объединяет навязчиво повторяющийся образ райского сада, рая, с которым ассоциируется пора раннего детства. Самыми яркими примерами является образ «райского сада» в стихотворении «Белый день» и «синего рая» в стихотворении «Песня». Символ утраченного рая традиционно связан в творчестве Тарковского с образами, составляющими тему детства.

Таким образом, уместно сделать вывод, что тема детства была актуальна для творчества Тарковского на всех его этапах. Это связано с тем, что важнейшей сферой поэтического интереса автора является внутренний мир лирического субъекта, его путь развития и становления, пробуждение и совершенствование в нем поэтического дара. Так формируется противоречивый и яркий образ лирического субъекта, максимально отстраненного, но иногда открывающего перед читателем глубоко личные переживания и воспоминания. С помощью бытовых деталей, чувственных ассоциаций и образов, которые маркируют художественную реальность, данную глазами ребенка, воссоздается мир, в котором формировалась личность поэта. С этим миром связана концепция рая, имеющая важное значение для творчества поэта в целом, так как идиллический хронотоп лежит в основе поэтического мира А. Тарковского.

Список литературы

1. Волкова П. Д. Арсений и Андрей Тарковские. М.: Зебра Е, 2004. 384 с.
2. Корман Б. О. Избранные труды. История русской литературы. Ижевск, 2008. 732 с.
3. Тарковский А. Собрание сочинений: в 3-х т. / сост. Т. Озерской-Тарковской. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. Стихотворения. 462 с.
4. Тарковский А. Собрание сочинений: в 3-х т. / сост. Т. Озерской-Тарковской. М.: Худож. лит., 1991. Т. 2. Стихотворения. 270 с.
5. Тарковский А. А. Судьба моя сгорела между строк. М.: Эксмо, 2009. 400 с.

THEME OF CHILDHOOD IN LYRICS OF ARSENY TARKOVSKY

Tsareva Ol'ga Aleksandrovna
Saint Petersburg State University
eliana.amalia@mail.ru

The article analyzes the figurative embodiment of the theme of childhood in the creative work of the poet of the XX century Arseny Tarkovsky. The way of personality formation in the world, recreated by the poet, is considered and analyzed. The ideologically-themed complex associated with the theme of childhood is in the center of the study. The world of children's experiences, memories and impressions is considered in its specificity in all phases of the poet's creative work. Another important aspect is the study of the transformation of the life material into the artwork.

Key words and phrases: theme of childhood; image of child; theme of the lost paradise; transformation of life material; subject of consciousness.